

КОЛЛЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

ВАДИМ ПАНДЖАРИДИ

ДИАЛОГИ О ЛЮБВИ.
МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

18+

Коллекция современной прозы

Вадим Панджариди

Диалоги о любви.

Мужчины и женщины

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Панджариди В.

Диалоги о любви. Мужчины и женщины / В. Панджариди — «ИП Березина Г.Н.», 2021 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907395-05-3

Повести «Глория» и «Татьянин день» входят в авторский цикл под общим названием «Диалоги о любви. Мужчины и женщины». Все герои этих произведений – обыкновенные люди обыкновенного возраста. Они ходят на службу, воспитывают детей, пьют водку, поют песни, пишут картины, сочиняют музыку, ухаживают за престарелыми родителями. Влюбляются, женятся и расходятся. Они работают журналистами и медсестрами, архитекторами и заводскими инженерами. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-05-3

© Панджариди В., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Панджариди Вадим	5
Татьянин день	7
Глава 1	8
«Горько!»	8
Три товарища	9
Улыбка палача	11
Нет у революции конца	12
Как у жениха на свадьбе	13
Глава 2	15
Гиперболоид инженера Гарика	15
Гованна	16
Утро в сосновом бреду	17
Якорь в жопу!	19
Глава 3	21
Ярослав Мудрый	21
Любовь по-английски	23
Турист СССР	25
Глава 4	27
По Руси несется тройка: Мишка, Райка, перестройка!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вадим Панджариди Диалоги о любви. Мужчины и женщины

Панджариди Вадим

Образование: Пермский авиационный техникум, Пермский государственный университет имени Горького, первый курс сценарного факультета ВГИКа, Высшие курсы сценаристов при Госкино СССР.

Прежде чем стал профессионально заниматься журналистикой, успел поработать почтальоном, грузчиком, прибористом, экономистом, председателем независимого профсоюза и даже заместителем директора обувной фабрики.

Профессионально журналистикой начал заниматься с 2002 года. Учредитель, издатель и главный редактор журналов «Пермский музыкант» и «Прикамье-спорт» с приложениями: «Здоровье-Пермь» и «Пермский спортивный курьер».

С октября 2005 года – сотрудник газеты «Пермский обозреватель», с сентября 2016-го – главный редактор «Пермского обозревателя» и редактор сайта «НеСекретно».

С ноября 2018 по июнь 2019 г. – штатный сотрудник краевой газеты «Звезда».

Имеет около 14 тысяч публикаций как в региональных СМИ, так и в центральной прессе. Среди них: «Новая газета», «Спорт-Экспресс», «Советский спорт», «Хронометр», «Жизнь», «АиФ», «КП», «МК» и другие.

В Перми активно сотрудничал с газетами «Профсоюзный курьер», «АиФ-Пермь», «КП-Пермь», «Звезда», «Новости города Пермь», с журналами «Пермь спортивная», «Территория культуры», «Край земли пермской».

В 2007 году отмечен как лучший культурный журналист Перми, в 2008-м признан лучшим среди «пишущих» спортивных. Имеет около полусотни благодарностей, дипломов, памятных медалей.

Член Союза журналистов России с 2006 года, с 2008-го – член правления ПРО СЖР, с мая 2020-го – член Интернационального Союза писателей.

Среди увлечений: живопись, кино, литература, футбол, фитнес, классическая и рок-музыка.

Татьянин день

Автор долго думал, с чего начать этот рассказ. Но в голову ничего особенного так и не пришло. Поэтому решил начать простыми, но понятными всем словами. А дальше как пойдет.

В общем, на начало нашего повествования на дворе стоял 1989 год. Рассвет перестройки.

Все газеты того времени скучно голосили одинаковыми заголовками: «Учитесь жить по-новому», «Перестройка на марше!», «Затраты на результаты», «Фактор ускорения», «От лампы Ильича до прожектора перестройки»... До развала Советского Союза, самой великой, самой богатой и самой красивой страны в мире, а вместе с ним и прихода новой жизни, страшной и непонятной, оставалась пара лет.

Но речь в этом рассказе, как и во всех прочих литературно-художественных произведениях, пойдет не об этом, а о простой человеческой жизни. Ну и о любви, само собой. А чтобы писать о любви, надо сначала ее пережить. А чтобы ее пережить, надо сначала ее найти.

А ситуация в стране – это лишь декорация, на фоне которой и разворачиваются и жизнь, и слезы, и любовь наших героев.

Приятного чтения!

Глава 1

«Горько!»

«Уралочка» был большим торговым центром, одним на весь микрорайон Крохалева. Можно сказать, это было средоточие общественной, политической и культурной жизни отдельно взятого большого жилого массива. В нем, по советским меркам, было все: продуктовый гастроном, аптечный киоск, ателье, ремонт обуви, фотография, рюмочная для заводских забулдыг, кулинария с редкими полуфабрикатами, стоячий кафетерий, приемный пункт стеклотары, парикмахерская. Наконец, одноименный ресторан на втором этаже, именуемый в просторечье «Рыгалочка».

И еще здесь находился милицейский участок с грозой местной шпаны (по-нынешнему – гопниками) – активистами добровольной народной дружины и оперативного комсомольского отряда. А в дни выборов в нерушимый блок коммунистов и беспартийных в духе генеральной линии партии здесь был избирательный пункт. Короче, как сказали бы сейчас в говенной рекламе, всё – в одном.

Сегодня здесь на втором этаже гуляли свадьбу. А это – больше полсотни людей самого разного возраста, пола и социального происхождения. Среди них было двое молодых инженеров завода авиационных двигателей, которые провожали в последний путь своего коллегу – разработчика двигательных лопаток Ярослава Сибирцева.

Свадьбу можно было назвать даже пышной. Зал был украшен розовощеками пупсиками, разноцветными шарами, самодельно нарисованными плакатами типа «У нас все по-честному: жене – шубу, мужу – носки», «Просим вас не забывать чаще „горько“ нам кричать!» или «Дай вам бог лечь вдвоем, а встать втроем» и прочей совковой белибердой.

За П-образным столом с одной стороны восседали гости жениха, с другой, напротив – невесты. Поскольку сам Ярик был родом из какой-то деревни, да и невесту его коренной горожанкой никак назвать было нельзя, в кабаке в большинстве своем собралась вся деревенская рать из дедов, бабок, теток, дядьев, зятьев, кумовьев, сватов, шуринов, деверей, золовок, двоюродных и прочих братьев и сестер. Наши конструкторы на фоне этой многочисленной родни смотрелись как-то обособленно.

Столы, как это ни странно, ломались от дефицитной ресторанной закуски, которую достать было сложнее, чем взять Берлин в сорок пятом, и от нехитрой деревенской снеди во множестве: сала, солений, грибов, пирогов. И, само собой, самогонки.

Стоит сказать, что на дворе стояла горбачевская перестройка с ее «полусухим» законом, когда пить было не то чтобы нельзя, а строго не рекомендовано, особенно в общественных местах. Но руководство «Уралочки» закрыло на это глаза. За определенную плату, естественно. Кроме того, зал для свадьбы был снят полностью, поэтому проникновение посторонних лиц было ограничено. Но на всякий случай самогонка и водка были разлиты по чайникам, самоварам и в бутылки из-под ситро и крем-сода. А для отвода глаз на столах стояли бутылки с портвейном «777» (в народе – «Три топора») для мужиков и болгарское сухое вино «Рислинг» – для дам. И несколько бутылок шампанского, так сказать, для политесу. Дело в том, что деревенские жители, хоть тогда, хоть сейчас, к шампанскому относятся как к заморской кислятине, от которой ни в голове, ни в жопе. То ли дело самогон: и дешево, и сердито! Махом укладывает.

Ансамбль на сцене играл обычную кабацкую муть, характерную для того времени: хиты из репертуара Пугачёвой, Антонова, Розенбаума. Это для молодежи. А для сермяжных гостей

постарше был приглашен полупьяный гармонист из сельского клуба, залихватски распевавший паскудные до неприличия частушки.

– Илюха, покурим бывало, разинув хлебало, – предложил Серега Батуев, когда солидно захмелевшие гости, в очередной раз смачно крякнув после еще раз выпитой стопки, несколько раз проорали на весь зал: «Горько!»

– Идем, – согласился Илья Новиков.

Швейцар в адмиральской фуражке, по виду отставной военный, открыл перед друзьями входную дверь, на ручке которой висела упреждающая табличка с «многообещающей» надписью: «Извините, у нас обслуживание».

– У церкви стояла карета, там пышная свадьба была. Все гости нарядно одеты, невеста всех краше была, – пропел Илья строки из старинного романса, когда они вышли на улицу, и добавил: – А вместо кареты – желтый «Икарус».

Действительно, у ресторана стояла пара венгерских автобусов с надписями «Заказной» на лобовых стеклах и «Кто куда, а мы на свадьбу!» – на боковых, ожидавших пьяных гостей, чтобы потом развезти всех по своим селам, деревням и хуторам.

– Я ехала домо-ой, двурогая луна-а светила в о-окна скуч-ного ваго-она, – подхватил Сергей, дав «петуха», неверно взяв «ре» второй октавы.

– Это из другой оперы, – осадил друга Илья.

– Да? Может быть. Кстати, они венчаться-то будут?

– Не знаю. Может, будут, может, нет. Сибиряк говорил, что у них в деревне есть работающая церковь.

– А женишок-то наш хорошо устроился, – спустя некоторое время сказал Сергей.

– В каком смысле? – не понял Илья.

– Тесть-то у него – председатель колхоза, чуть ли не Герой Соцтруда.

– И что? – спросил Илья.

– А жрачка, а выпивон? Всё на его деньги. Иди купи чего-нибудь сейчас в магазине. Ни выпить, ни пожрать. Развитой социализм. Третья и последняя стадия.

Действительно, горбачевская перестройка ничего, кроме оголтелой свободы, советскому народу не принесла. Если во времена Брежнева еще можно было где-то и как-то разжиться колбасой или сосисками, то в конце 80-х вся страна пересела на талоны абсолютно на всё: на мясо и «заменяющие его продукты», на масло, молоко, мыло, сахар, сигареты, стиральный порошок, зубную пасту и даже на спички. Мы уж не говорим про алкоголь, когда магазины превратились в неприступные крепости, и, чтобы купить, скажем, водку по две бутылки на рыло, приходилось выстаивать многокилометровые очереди по несколько часов кряду. Конечно, все это можно было достать по благу, купить на рынке, в кооперативных лавках и коммерческих магазинах, а водку – у таксистов, наконец, но уже по цене в несколько раз выше государственной.

Короче, не жизнь, а сплошная перестройка.

– Да, – согласился Илья и неожиданно сказал: – Сейчас бы цыган сюда для полноты картины. Э-эх!

И запел:

– К нам приехал, к нам приехал Ярослав Петрович да-ра-а-го-ой!

Три товарища

Они дружили с первого курса: Сергей Батуев, которого все звали Серый, Ярослав Сибирцев по прозвищу Сибиряк и Илья Новиков, чья погрелуха была Плейбой. Как три товарища из знаменитого романа Эриха Марии Ремарка. Или три богатыря из народной былины.

Серый поступил в «политех» сразу после школы: все десять лет был круглым отличником. Никогда не отличавшийся особой прилежностью Сибиряк отбарабанил два года в армии,

и поскольку у них в деревне ввиду нехватки педагогических кадров английский язык кое-как по самоучителю вел престарелый физрук, пришлось ему отучиться еще полгода на рабфаке. Несмотря на фамилию, в Сибири Ярик никогда не был. Правда, в армии служил на диком и студеном острове Врангеля. Но это еще дальше. Это уже Чукотка, Дальний Восток, край света.

А Плейбой, гуманный по образу своих мыслей, не смог протаранить громадный конкурс на журфак МГУ. И по приезде домой, в Закаменск, на семейном совете ему четко обозначили: получи нормальное человеческое образование и катись куда хочешь.

Они вместе отмечали дни рождения и прочие праздники, бегали по бабам и в «день студента», то есть в тот день, когда им раз в месяц выдавали стипендию в размере 40 «рэ», ходили отмечать это дело в корпус «Н». Так будущие инженеры называли пивбар «Нептун», расположенный за углом от «политеха».

Сергея, поскольку он был отличником, на собрании группы избрали старостой. Он вел журнал посещаемости и, как, наверное, догадались читатели, ставил своим друзьям одни плюсы в соответствующих графах, когда те вместо лекций шарахались неизвестно где: Ярик, скорее всего, по своим фарцовским делам, а темпераментный, как легендарный комбриг Чапаев, Илюха – по амурным.

В общем, Илья, главный герой нашего повествования, стал инженером-конструктором и по распределению, как и его усаые друзья-богатыри, попал на оборонное предприятие.

Все трое и тут оказались в одной бригаде по разработке и улучшению технических характеристик каких-то необыкновенных по своим параметрам титановых лопаток для сверхзвуковых авиадвигателей.

Поскольку на сорок целковых в месяц не шибко разбежишься, три наших товарища подторговывали дефицитом. Особенно преуспевал в этом Ярослав. Он лихо снабжал американистыми джинсами и румынскими кроссовками (сейчас такое фуфлю никто носить не будет) своих однокурсников. Покупал товар в Москве. Скажем, штаны он брал у столичной фарцы по 150 рублей, в Закаменске сдавал их уж по 200, а то и по 250. Сам же предпочитал джинсы фирмы Wrangler. Очевидно, по той простой причине, что служил, как мы уже сообщали, на острове Врангеля.

Кроссовки скупал оптом, пар по десять-пятнадцать, на какой-то подмосковной базе у знакомой товароведки, с которой снюхался в одной из поездок в Первопрестольную. При госцене в 25 рублей она толкала ему спортивные башмаки по 30–35 целковых. На родине Ярослав заряжал их уже по сотне за пару.

– У меня нюх на деньги, – говорил он друзьям. – Я знаю, где они лежат. Надо только нагнуться и взять их.

Правда, раза два его ловили обэхэсэсники, но дело ограничивалось лишь устными внушениями о недопустимости занятий спекуляцией, за которую, кстати, в советские времена можно было очутиться за решеткой на много лет. Каждая такая беседа стоила Ярославу нескольких пар кроссовок.

А летом, после сдачи весенней сессии, друзья уезжали в стройотряды. Если Сергей и Илья были обычными работягами на подхвате, трудившимися по принципу «бери больше, кидай дальше» или «взял вот это, отнес туда-то», то Ярослав больше ошивался возле отрядовского начальства, занимаясь в основном поиском подходящих, то есть самых дорогих, подрядов, выполняя функции снабженца.

А на последнем курсе он уже был утвержден начальником политеховского отряда с громким названием «Авиатор», назначив Сергея своим замом по общим вопросам, а Илью как работника идеологического фронта – комиссаром, чья задача была глаголом напропалую жечь сердца стройотрядовцев и с ленинско-брежневским задором призывать их к новым трудовым свершениям.

Если кто-то думает, что студенты в этих стройотрядах гребли лопатами бабки, то ошибается. За полтора-два месяца они зарабатывали по 350–400 «рэ», но их вполне хватало на то, чтобы купить какой-нибудь отечественный стереомагнитофон или джинсовую пару у спекулянтов.

«Куплю себе костюм с отливом, магнитофон – и в Ялту!» – говорил, словно про наших студентов, косоглазый жулик из известного фильма.

Улыбка палача

Уже потом, после окончания вуза, как и в студенческие времена, все нормальные советские инженеры также где-то подрабатывали. Кто-то вкалывал дворником, кто-то – ночным сторожем. Ярослав, как мы уже знаем, фарцевал, Серёга где-то надывал старую, разбитую в хлам «копейку» и по вечерам один собирал ее в своем металлическом гараже из случайных запчастей. И самое интересное – собрал. Даже поставил на учет в ГАИ. Более того – рассекал на ней по городским улицам.

А инженер-конструктор второй категории Илья Новиков по вечерам и по выходным подъедался грузчиком на овощной базе. И за пару лет он настолько привык к своей второй профессии, что жить без нее ему было как-то скучно. Не хватало, как сейчас сказали бы, креатива.

В основном он работал с Марианной, очень шустрой продавихой, которая в летне-осеннее время торговала на улице. Илья на тележке отвозил за несколько кварталов от складов ей стол, весы и несколько ящиков с овощами-фруктами. Потом в течение дня подвозил ящики с новыми продуктами и увозил пустые.

Нрав у этой хапуги был хозяйский, а руки – загребушие. Эта скромная работница прилавка так лихо обсчитывала дураков-покупателей, что ловкости ее пальцев позавидовал бы сам Акопян. Мало того что она всех обвешивала, используя самодельные магнитные гирьки, ловко приспособивая их к днищу весов, так она еще и лихо обсчитывала: копейку, но недосдаст. Лицо ее при этом было невинным и ласковым, как у палача, влюбленного в свою работу. Никто и подумать ничего лишнего не мог.

На складе ее застать было практически невозможно. На вопрос, где она шляется, та отвечала примерно так: ушла на базу, приду, когда вернусь.

Илья же по окончании рабочего дня продавал за полцены старухам-пенсионеркам так называемый неликвид: фрукты-овощи, оказавшиеся ничейными в результате усушки-утряски. В советское время в овощной торговле существовало узаконенное правило – так называемая «норма естественной убыли». Иными словами, на вагон, фуру или просто грузовик, развозившие помидоры, виноград, огурцы, персики или бананы, допускалось двадцать процентов убыли, то есть гнили, которая могла появиться в процессе транспортировки товара. А если ее не было, то эти двадцать процентов шли в торговлю – левую. Деньги, естественно, ложились в карман, но не в государственный, а в личный.

У Ильи на такой товар даже были свои постоянные покупатели. Ну и Маринэ с ним делилась. В общем хорошая была подработка к инженерской зарплате с ее премиями, прогрессивкой и уральскими. Левые деньги, как известно, никогда лишними не бывают.

Кстати, «просто Мария» позднее ушла в частный бизнес, организовав кофейню, одну из первых в Закаменске. И здесь эта очень предприимчивая мадам была на высоте: она молола кофе вместе с жареным... горохом из расчета пятьдесят на пятьдесят. Смесь эту под громкими названиями «капучино», «американо», ну и, естественно, «кофе по-турецки» разливала в чашки и учтиво подавала клиентам. Шло нарасхват. Клиенты, нахваливая эти мало чем отличавшиеся по вкусу друг от друга напитки, даже не подозревали, какую бурду они пили.

Эта пышнотелая Марианна несколько раз предлагала нашему утешителю одиноких женщин жить вместе, обещав вкусное домашнее питание, уют и тепло трехкомнатного очага и

деньги на карманные расходы, сколько пожелает. Жила она, как и работала, в поселке в Крохалях.

Стоит сказать еще и вот о чем. Жена Ильи служила в музыкальной школе. Поэтому, как и ее ученики, имела каникулы четыре раза в год, чем хорошо и умело пользовалась. Она называла их командировками.

Помимо музыки и искусства вообще Галина, так ее звали, увлекалась модой, отдавая предпочтение не банальным джинсам и импортному ширпотребу, а индивидуальным вещам, подчеркивающим ее исключительность, причем пошитыми не кем-нибудь, а самим мэтром Вячеславом Зайцевым и его модельерами. Иными словами, деловому и спортивному она предпочитала романтический стиль. Короче, видно ее было издалека.

А дело в том, что однажды, будучи в Москве и блуждая по магазинам в поисках импорта, она случайно обнаружила Дом моды этого кутюрье, что на проспекте Мира, недалеко от кольцевой станции метро, и была поражена моделями, выставленными на всеобщее потребление.

Она стала постоянной клиентшей этого модного дома, перезнакомившись чуть ли не со всеми модельерами и кройщиками. Купит, привезет в Закаменск. Месяца три-четыре поносит сама, затем выгодно продаст. И снова в Москву, на очередные каникулы, то бишь в командировку. Про Илью тоже не забывала. Поэтому сослуживцы его за глаза иногда называли стилигой или фирмачом.

В общем, в деньгах семейство Новиковых не особо нуждалось. На жизнь хватало.

Нет у революции конца

И еще один момент. Как мы уже знаем, Илья хотел быть журналистом. Но, не поступив в МГУ и достаточно рано женившись, мечту не бросил. Он, еще учась в «политехе», окончил факультет общественных профессий, так называемый ФОП, по журналистской специальности. Пописывал в институтскую многотиражку статейки о дискотеках, о редких фильмах, показываемых в городском кино клубе, и о новинках в мире рок-музыки.

А затем, уже после окончания института, кроме всего прочего, подрабатывал в краевой молодежной газете «Комсомольская гвардия», поставляя туда в основном примерно такие же материалы о том же самом, то есть о музыке и кино. Платили там, правда, внештатникам сущие гроши, едва хватавшие на бутылку водочки, но, как он сам гордо говорил своим товарищам, искусство не продается, поскольку оно бесценно.

– Ван Гог ты наш, бессребреник. Ну-ну, – говорил ему практичный Ярослав.

– Зато я очень добрый человек. За это меня уважают мужчины, любят дети и боготворят женщины.

– За это тоже бабки платят?

– Щас.

Илья всегда хотел быть писателем. С детства. Мысль эта еще больше укрепилась после того, как в восьмом классе как лучший ученик он участвовал в городской олимпиаде на лучшее сочинение на «сексуальную» тему, посвященное какому-то очередному юбилею комсомола с громким названием «Есть у революции начало, нет у революции конца». И стал победителем. В качестве приза ему вручили миниатюрный десяти томник произведений не банального Толстого или какого-то там Пушкина, а самого Ленина.

– А как ты вообще из инженера превратился в писаку? Чего-то я не догоняю, – спросил Сибиряк.

– Да никак. Писательству нельзя научить. Либо у тебя есть этот зуд, либо его нет. На журфаке могут научить только тому, как правильно расставлять запятые, и втемняют в башку, чем отличаются друг от друга антонимы, омонимы и синонимы. А это мне, как сейчас говорят, фиолетово.

Сам Ярослав прочитал, как это ни смешно, всего две книги: «Муму» Тургенева да сборник рассказов о Шерлоке Холмсе – да и то когда лежал в больнице с ангиной. Делать ему в перерывах между уколами и приемом пилюль было нечего. Случилось это знаковое событие у мудрого Ярослава в девятом классе.

«Не мое это, – говорил он. – Не книги ума прибавляют, а жизнь».

С этим трудно было не согласиться. Но у Ильи на этот счет было свое мнение.

– Да, я не получаю в этой газете больших денег и, может быть, не буду получать никогда. Но не это главное. Главное то, что я всю жизнь мечтал быть писателем, наконец им стал и менять свою мечту на деньги не буду, – ответил Илья.

По этому поводу он вспомнил стихотворение Якова Полонского, не очень известного в широких кругах русского поэта. В школьные годы ему попалась очень интересная книга – сборник стихов русских поэтов XIX века. И там он прочитал:

«Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода».

– Писатель должен жить как народ. Если он живет лучше, значит, пишет хуже. Так что моя фамилия – Россия, а Новиков – мой псевдоним.

Как у жениха на свадьбе

Со своей музыкальной женой Илья шлялся по разным тусовкам, на которых художно-очкастые представители городской богемы обсуждали зарубежные фильмы, которые никто из них не видел, спорили о столичных спектаклях, на которых никто не бывал, и зловредно обсуждали вражеские новости о советской перестройке из вещаний «Голоса Америки» и радио «Свобода».

Правда, уже наступала эра видеоманитофонов, когда все вышеперечисленное можно было увидеть на 180-минутных вхээсовских кассетах, особенно это касалось кинофильмов, но стоили эти зарубежные носители информации очень дорого: одна кассета – одна зарплата рядового инженера. И еще один момент: на советский рынок поступали в основном не шедевры мирового кино или театра, а гнусаво переведенные тупые боевики с Ван Даммом, Шварценеггером и Брюсом Ли. Кроме того, они были ужасного качества, поскольку переписывались десятки раз, но этого было вполне достаточно для подобных киношлягеров, где искусство и не ночевало.

На одном таком культурном сборище Илья однажды даже чуть не набил морду одному излишне рафинированному интеллектуалу, внешне похожему на профессора Плейшнера в детстве.

Как было принято в советские времена, в тесном шестиметровом бабушатнике, то есть на кухне, у подружки жены собрались малознакомые друг с другом интеллигенты. Водка, селедка, капуста, вино, то да се. Непонятно где раздобытая банка греческого апельсинового сока. Короче, кто что принес. Под вонючий дым говенных болгарских сигарет «Стюардесса» и картавое звучание «Машины времени» на задроченном бобинном магнитофоне «Соната», за свое «высококачественное» звучание более известном в народе как «Сатана», заговорили о шибко

интеллектуальной литературе, образцы которой можно было иногда почерпнуть из журнала «Иностранная литература». Речь зашла о книге Джона Апдайка «Беги, кролик, беги». Среди присутствовавших читал ее только этот хилообразный очкарик, вздохнув призывавший всех собравшихся сделать то же самое, иначе типа считать за людей никого из них не будет.

Спору нет, книга хорошая. Но с этой книги переключились на советскую литературу. В частности, на роман «Вечный зов», по мотивам которого только что на экраны телевидения вышел одноименный многосерийный фильм. Очкастая сволочь начала зло и подло иронизировать и над самим романом, и над теми, кто смотрит сериал, сказав, что такое говно сделано об отсталом совковом быдле и для такого же совкового быдла, у которого вся биография на лбу написана: ПТУ, армия, завод, да еще для тупоголовых спортсменов, в чьих дебильных мозгах одна извилина. А вот Апдайк – это то, что доступно и понятно только таким особо избранным личностям, как он. Иными словами, тот не человек, кто не читал Апдайка.

И тут Илью прорвало.

– Слушай, ты! А если война начнется, ты, пидор гнойный, пойдешь родину защищать? Родителей своих, детей, женщин?.. Ты на себя посмотри. Тебя, урода, соплей перешибить можно, – громко заорал он, взяв за воротник обоссавшегося от страха интеллектуала.

– Илья, перестань, – бросилась на него жена. – Что с тобой? Успокойся.

– Иди ты... – огрызнулся он и снова зло обратился к очкарику: – Ты на войну не пойдешь, гнида пучеглазая. А пойдут на войну другие, которых ты только что обоссал, которые не читают Апдайка, а смотрят только «Вечный зов» и занимаются спортом. И они будут там умирать, чтобы ты, говно собачье, сидел вот на такой кухне, смеялся над ними и пил водку с бабами. Пошел вон отсюда, рожа козлиная! Ну че стоишь как у жениха на свадьбе? Пшел вон, сказал!

Остальные гости тупо молчали, глядя на эту перепалку. Война у всех стояла комом в горле: только что были выведены советские войска из Афганистана и разрушена берлинская стена, отделявшая социализм от капитализма, мир – от войны, свободу – от рабства, богатство – от бедности, творчество – от догмы...

Сам Илья в армии не служил. Был только на трехмесячных сборах после окончания «политеха».

Глава 2

Гиперболоид инженера Гарика

Но мы отвлеклись. Итак, был июнь, стояла тихая послеобеденная суббота, когда не жарко и не холодно. То есть самое время для свадеб, похорон и юбилеев: если вдруг напьешься, не рассчитав физических и моральных сил, то не развезет от усталости.

И тут внимание друзей привлекла проходившая мимо девушка примерно того же возраста, что и они.

– Девушка, не скажете, который час?

– Если хотите проводить меня до дома, то я не буду против, – ответила та. – Не бойтесь, не надорветесь, здесь недалеко.

– Да я и не боюсь, – Илья явно не ожидал такого поворота событий.

– Иди, иди. Помоги барышне, видишь – страдает, – подтолкнул, заговорщицки подмигнув Илье, Сергей.

– Ладно. Не теряйте, если что, – шепнул ему в ответ Илья. – Я быстро.

Насчет баб Илья был впереди планеты всей, и два раза предлагать общение с женщинами ему было не нужно. Ловелас в постели ас. Его, как нам уже известно, так и звали: Новиков-Плейбой. Не путать с известным советским писателем-маринистом, фамилия которого была Новиков-Прибой.

– Подождем, не ссы, без тебя не уедем, – снова заверил Серёга, подталкивая вперед Плейбоя. – Давай-давай.

– Вы позволите? – Илья протянул руку, чтобы взять у незнакомки сумку с продуктами.

– Пожалуйста. Что у вас здесь? Свадьба, что ли? – спросила она, когда они вдвоем пошли по тротуару.

– Да, коллега женится. Вместе учились, вместе работаем, – ответил грузенный сумкой Илья.

– И кем вы работаете?

– Я – космонавт дальнего плавания.

– А если серьезно?

– Конструктор на авиамоторном. Конструкторский отдел номер один. Гиперболоид инженера Гарика разрабатываем.

– Что разрабатываете? – не поняла незнакомка.

– Так руководителя нашей бригады зовут: Гарик Самвелович. Обрусевший армянин. А разрабатываем мы лопатки для двигателей.

– Я тоже на авиамоторном. В управлении, в планово-экономическом отделе. Кстати, себестоимость ваших лопаток обсчитываю.

– И как?

– Че как?

– Как наши лопатки? Соответствуют утвержденным стандартам и ГОСТам?

– Как-как? Жопой об косяк, – улыбнулась незнакомка.

– Нежно сказала она.

– Что? – не поняла сказанное девушка. – Извини за грубость, вырвалось. Какие соответствуют, какие – нет. Дорогие они у вас получаются.

– Важная у вас работа, говорю, ответственная.

– Еще бы. Может, познакомимся? А то как-то...

– Меня зовут Илья. По-английски – Уильям или Билл. По-немецки – Вильгельм или Вилли.

Про Плейбоя он, естественно, промолчал.

– А меня – Татьяна. Как будет по-английски, понятия не имею. В детстве папа звал Татошкой. Кстати, мы пришли. Вот мой дом, а вот мой подъезд.

– Хороший дом, – единственное, что нашелся ответить Илья, поставив сумку на скамейку у входа в подъезд.

Илья явно слукавил. Дом был обычной пятиэтажной хрущобой, серой и неприглядной, как все дома в Крохалях, длинной и безликой. Такие в народе называли китайской стеной или лежачим небоскребом. Все такие дома были похожими друг на друга, как булыжники на мостовой.

А вот газон у дома был веселый, ухоженный, весь в цветах, разноцветных скворечниках и густых кустарниках. Зеленая клумба была заботливо отгорожена от тротуара старыми, выкрашенными в белый цвет, лысыми автопокрышками.

– Может, чаю хочешь? Или чего покрепче? – спросила Татьяна, недвусмысленно приглашая в гости.

В подобных ситуациях наш донжуановский герой, несмотря на богатый сексуальный опыт, никогда не был. Он даже растерялся с непривычки.

– Пошли. Не съем, – Татьяна вновь, словно эстафетную палочку, передала ему в руки продуктовую сумку. – Держи.

– А муж, как я понял, в командировке? – робко спросил Илья, когда они поднимались по лестнице в подъезде.

– Нет никакого мужа. Выгнала. Ребенок – в лагере.

– Пил?

– Что?

– Муж, спрашиваю, пил, наверное, раз ты его выгнала?

– Илья, давай не будем об этом. Я ведь не спрашиваю, где у тебя жена.

– А вот она как раз в командировке.

– Тем более. Значит, нам никто не помешает.

– Пить чай?

– И чай тоже, – улыбнулась девушка.

Гованна

Татьянина квартира была чистой и аккуратной, со стандартной мебелью среднего советского служащего: диван, стенка, стол со стульями, кресло-кровать, в углу, у окна, цветной телевизор «Изумруд» с торчащими во все стороны рогами антенны. В другом углу – стол письменный с магнитофоном на нем, рядом с которым на стене висел плакат группы «Кино» с лохматым Виктором Цоем на переднем плане.

На кухне сверкал предел мечтаний советской хозяйки – кукуштанский гарнитур с белыми шкафчиками, столом, мойкой, с красными часами и таймером, а на холодильнике – расписанный под хохлому электросамовар, на плите – лысьвенский набор эмалированной посуды. Короче, все как у приличных людей. Социалистический стандарт. Одним словом, обычная однокомнатная квартира обычного советского человека.

Она протянула ему полосатый махровый халат.

– Ванная там, полотенце на вешалке, – указала она на дверь с писающим мальчиком и капающим в ванну душем. Картинки указывали на то, что санузел был совмещенный, по-русски – гованна.

– Окей, – весело ухмыльнулся Илья.

Ванная комната была отделана белым кафелем, который, как водится, был обклеен детскими стикерами от жвачек: футболисты, хоккеисты, гоночные машины. Особенно много картинок было рядом с унитазом.

В постели руководила горячая Татьяна, взяв всю инициативу на себя. Она любила позу сверху, говоря при этом, что так она быстрее кончает.

– Ой, мамочки! Как хорошо... У меня год никого не было. Тебе хорошо со мной?

– Да, – прошептал усталый Илья.

Они еще какое-то время полежали на диване, разбросав белые крахмальные простыни во все стороны.

– А теперь иди, а то тебя действительно потеряют, неудобно будет, – сказала она, водя пальцем по его груди. – Только ты не подумай там чего-то... Я тебя раньше видела. На заводе ты пару раз к нам в управление заходил. На турслете был в том году. На заводском юбилее в апреле, в ДК нашем, в КВН, помнится, выступал.

– Было дело.

– Понравился ты мне.

– Так вот сразу?

– Сразу – не сразу, а запомнила я тебя. Познакомиться хотела. А сегодня увидела, вот и решилась. Хотя ты меня опередил. Наверное, не надо было. Как думаешь, Вильгельм? – спросила она, вставая с постели.

– Ну почему же?..

– Давай выпьем за знакомство, а то как-то не по-людски.

Она накинула на себя халат и прошла на кухню. Следом за ней – и Илья. Татьяна достала из холодильника водку, разлила по граненым, видимо, доставшимся от бабушки, древним стопкам, нарезала соленые огурцы.

– За нас.

Когда Илья был уже в дверях, надевая ботинки, тихо спросила:

– Мы еще будем встречаться?

Илья кивнул:

– Если захочешь.

– Вот мои телефоны: рабочий и домашний. Звони, – она протянула ему листок, вырванный из школьной тетрадки. – Жене только не показывай, а лучше выучи и съешь.

И когда Илья уже совсем собирался уйти, спросила:

– Говоришь, жена у тебя в командировке? Может, после свадьбы зайдешь, когда у вас там все закончится? Если не очень пьяным будешь.

– Хорошо, – улыбнулся Илья, – зайду.

Кстати, Татьяна также подрабатывала. И знаете, кем? Не кочегаром и не плотником, и не монтажником, а высотником, то есть промышленным альпинистом. Болтаясь на высоте, иногда даже вверх ногами, заделывала швы между бетонными плитами в девятиэтажных домах серых и однообразных закаменских новостроек. Дело это не женское на первый взгляд, но ей нравилось. И оплачивалось оно неплохо. А насчет адреналина и говорить не приходится.

Утро в сосновом бреду

Когда Илья снова пришел в ресторан, свадьба была в самом разгаре. Точнее, в пьяном угаре. Пресытившись дармовыми едой и бухлом, гости вместе с молодыми активно участвовали в дурацких конкурсах на все случаи жизни. Тамада старалась на славу, предлагая, например, мужикам в боксерских перчатках развернуть фантики шоколадных конфет по олимпийскому принципу: кто быстрее, или попасть в бутылочное горлышко карандашом, привязанным

за нитку к поясу, или женщине раздавить округлой задницей такой же округлый воздушный шар, лежащий на коленях у какого-нибудь мужика.

Было по-свадебному весело. Все гости, до пьяного опупения похожие друг на друга, ржали, хлопали в ладоши и громко подбадривали конкурсантов возгласами: «Давай, Вася, не подведи! На тебя вся страна смотрит!» Ведь доподлинно известно, что после первого «горько!» все лица одинаковы. А уж после второго или третьего – тем более.

– Ну ты даешь, – двусмысленно сказал Серый, посмотрев на часы, когда вернувшийся Илья, воровато оглядываясь, втихаря уселся на свое место за праздничным столом. – Ну как там, все в порядке? Не оплошал?

– Отвисни, – по-доброму огрызнулся Илья.

– Не уронил честь мундира? – ехидно не унимался Сергей.

– Наливай, – ответил наш герой.

И когда тот наполнил рюмки, Илья Новиков торжественно произнес:

– За молодых, совет им да любовь. Две судьбы, два кольца, чтоб вовек не расставались сердца! Го-о-орько!

– Хорошо сказал, душевно, а главное – оригинально.

– А чего, это самое, невеста какая-то веселая.

– И что?

– Плакать ей положено, реветь, выть и стенать.

– Тебя не спросила.

К Татьяне Илья не пошел. И не потому, что не хотел или был слишком бухой, а потому что всех гостей по окончании застолья загрузили в уже упомянутые нами «икаруссы» и увезли то ли в Ординский, то ли в Осинский район, в какое-то село, в колхоз-миллионер, так сказать, на продолжение банкета. Во всяком случае, ни Плейбой, ни Серый так и не смогли потом вспомнить, куда их увезли. Но отказаться было невозможно, иначе – обида на всю жизнь. В деревне свои законы, патриархальные, как при домострое.

Там уже все было готово: стол, стоящий посреди двора, как пишут буржуазные писаки, ломился от яств. Несмотря на поздний час, народа в председательском дворе собралось немалое: казалось, вся деревня во главе с правлением колхоза «Красный пахарь» приперлась поздравить своего дорогого начальника, его по-деревенски толстожопую супругницу Глафиру Варфоломеевну, их дочурку и всю их родню с таким грандиозным событием, которое случается всего несколько раз в жизни. И даже запустили в небо фейерверк как символ счастливой семейной жизни.

Потом затопили баню. Точнее, она была уже протоплена. Первыми в баню отправились жених и невеста, ставшие к тому времени полноценными мужем и женой. А потом уже парились те, кто в состоянии был еще хоть что-то соображать.

Спали наши друзья, как и положено, на сеновале. Быть в деревне и не побывать на сеновале – это то же самое, как съездить в Париж и не увидеть Эйфелевой башни. Илья и Сергей были настолько усталыми, что их не смогли привести в чувство даже румяные колхозные доярки и образованные агрономши, готовые грациозно встать раком при первом позыве.

Что снилось Сергею, неизвестно, а вот Илье приснилась Татьяна: первое впечатление от знакомства – всегда самое яркое и запоминающееся. Его руки сами полезли в штаны, чтобы утихомирить разволновавшегося «младшего брата».

Когда он открыл глаза, то по правую руку увидел рядом с собой не Татьяну, а трогательно храпящего Сергея, укутанного вонючим, грязным тулупом. По левую сторону сопела какая-то молодая баба. Он даже не мог вспомнить, откуда она взялась. Рядом с ней в колючее сено была воткнута бутылка водки, насухо опорожненная, естественно, лежали заляпанный жирными пальцами стакан и какое-то подобие застывшей закуски на обосранной мухами тарелке.

Илья смачно выругался:

– ...твою мать. Какое-то утро в сосновом бреду...

Якорь в жопу!

И тут он почему-то вспомнил двух своих женщин, о которых практически никому не рассказывал. Кроме автора этих строк, естественно.

Так вот, однажды Илья случайно познакомился с девушкой. Звали ее Виктория. Когда он узнал, кем она работает, ему стало дурно. Дело в том, что служила Вика в... морге одной из краевых больниц специалистом по предпохоронной подготовке умерших. Иными словами, одевала изуродованных вскрытиями покойников с грубыми швами на телесах, накладывала на их сине-желтые лица, подернутые трупными пятнами, грим, чтобы те в гробу смотрелись как живые. Мазала соответствующими благовониями другие части тела. Вставляла на место в не желавшем закрываться рту непослушные челюсти. Перевязывала руки на груди церковной лентой. А на ноги вздевала белые тапки с обрезанными задниками. И закрывала все это дело белым саваном, отправляя усопшего в последний путь. Так сказать, в вечность.

Когда она целовала Илью, обнимала и страстно отдавалась, ему казалось, что ее пальцы склизко и липко пахнут ладаном, как в известной песне Вергинского. И ему становилось не по себе.

Еще он припомнил, как однажды они во время ее дежурства пили спирт в холодной смотровой среди нескольких жмуриков. Те, покрытые с головой простынями, лежали на больших железных столах-каталках. Из-под белых простыней торчали их сине-мраморные ноги с номерами, привязанными к большим пальцам. Противно и холодно пахло гадостным эфиром.

– Не надо бояться покойников, надо бояться живых, – сказала тогда она.

Правда, лучше от этого Илье не стало. Даже спирт пошел не в то горло, и его вырвало чуть ли не наизнанку.

– Ничего, со временем это пройдет, – похлопала она его по спине. – Со мной поначалу так же было. Долго привыкала.

– Я восхищаюсь твоим мужеством, – единственное, что он мог тогда сказать.

«Понятно, что все профессии у нас в почете, но не до такой же степени, – брезгливо думал наш герой. – Брр. Стоило ли для этого оканчивать мединститут?»

Но, с другой стороны, успокаивал он себя, работа как работа. Человек ко всему привыкает, даже к тому, к чему привыкнуть, казалось бы, невозможно. Следователи полицейские и прокурорские тоже, например, чуть ли не каждый день убитых видят. А очерстветь можно на любой работе, даже на журналистской. Ну и деньги пахнут ладаном только в его богатом воображении.

Между тем сама Виктория не считала свою профессию какой-то из ряда вон. Жила она неплохо, деньги у нее водились всегда. Ездил на крутой тачке, стриглась у дорогих цирюльников, покупала шмотки в модных бутиках, меняла шубы через год.

С Викторией он расстался под каким-то выдуманном предложением. Мысленно он посоветовал ей связать свою судьбу с каким-нибудь организатором похорон, директором кладбища или дизайнером эксклюзивных гробов. Что в конечном итоге она и сделала.

Была еще одна барышня. Этот случай был уже из разряда экзотики. Однажды после футбольного матча Илья зашел в летний бар, чтобы испить кружку пива по поводу победы его любимой команды над московским «Спартак». За соседним столиком восседала группа молодых людей: парень и две девушки. Илья, к тому времени уже бывший слегка навеселе, от щедрот своих заказал им бутылку вина. Затем подсел к ним за столик. Разговорились. Потом парень с девушкой слиняли. Илья остался один на один с новой знакомой: как ее звали, он до сих пор не может вспомнить.

Он пригласил ее домой на пару чашек кофе, заказал такси. И тут как бы грянул гром среди ясного неба: вставая из-за стола, эта внешне симпатичная девушка подняла с пола... костыли. Н-да, она была... безногой. Наступила пауза, как в хорошем спектакле. Но Илья, к сожалению, был настоящим джентльменом и приглашение оставил в силе.

Дома Плейбой закрыл входную дверь на ключ, который надежно спрятал: мало ли что у этой прекрасной, но одноногой незнакомки на уме – если вдруг она захочет ему что-то подсыпать, снотворное или клофелин, то далеко с пятого этажа не убежит, а железную дверь вряд ли сломает. Он провел ее на кухню, усадил за стол. И отлучился в туалет.

Он оставил ее без внимания всего секунд на сорок. За это время она на одной ноге успела из кухни доскакать до гостиной, спереть из вазочки украшения жены: кольца, пару сережек и колье – и вернуться обратно как ни в чем не бывало.

И все этой воровке сошло бы с рук, если бы Илья случайно не заметил, что карманы ее обтягивающих брюк как-то неестественно топорщатся, чего до прихода в квартиру он не замечал.

– Ну-ка, ну-ка, что это у тебя? – потребовал он. – Покажи-ка.

Она в ответ заревела, стала объяснять, что это произошло типа случайно, что она не хотела, что она сама не знает, как это получилось...

Илья не стал разбираться. Короче, он тут же ее выгнал к чертям собачьим на лестничную площадку, бросив вслед костыли, которые с грохотом простучали по ступенькам. Хотел напоследок, чтобы помнила, пнуть ее под жопу, но пожалел убогую инвалидку.

Дома он отдышался, хлебнул коньяка, затем заглянул в свой портфель, висевший у входной двери. Достал бумажник и...

О, якорь мне в жопу! Пропала вся наличность в размере трех-четырёх тысяч рублей (по тем временам достаточно приличная сумма). Он, естественно, бросился вдогонку. В подъезде ее не было. Выбежал на улицу. Шел сильный дождь. И здесь воровки было не видать.

У дома напротив стояла, прячась от грозы, группа молодых людей.

– Одноногая девушка из подъезда выходила? – спросил их Илья.

– Выходила, – ответили те.

– Куда ушла?

– Туда, к Компросу куда-то. Быстро бегают, – парни указали направление.

Илья помчался туда. Но на Компросе ее тоже не было. Как ветром сдуло или дождем смыло.

«Так тебе и надо, старый блядун», – выругался он про себя.

Шагая к дому, он окончательно вымок и абсолютно протрезвел.

«Ладно, что ни делается, – все к лучшему. Будет что вспомнить и внукам рассказать на старости лет, – утешил он себя. – Вот посмеются ребяташки».

Глава 3

Ярослав Мудрый

А свадьба пела и плясала. Поутру и в течение воскресного дня гости, кто был еще маломальски живой, хорошо похмелялись. Также распевали хором песни и плясали невпопад под гармошку. К сожалению, до мордобития, как обычно бывает в деревнях по этому случаю, не дошло. А жаль: так хотелось посмотреть.

– Ну че вы, как? – спросил неожиданно появившийся под крики и овации гостей Ярослав, усевшись рядом с помятыми друзьями. – Живы? – рассмеялся он, рассматривая опухшие с похмелья и от комариных укусов рожи своих друзей.

В отличие от всех гостей и хозяев сам он был свеж, молод и весел. У него был такой вид, будто смертную казнь ему заменили на пожизненное заключение.

– Все путем, – вяло ответил Сергей Батуев, – за тебя! – и опрокинул в рот стакан с самогонкой.

– За новую советскую семью, – поддержал тост Илья заплетающимся голосом. – Брак – это не только союз двух любящих сердец, это главное звено в бесконечной цепи поколений, орудие эволюции, опора государства, ячейка общества.

– Да-а-а, жене твоей повезло: хороший конец на дороге не валяется, – поддержал друга Сергей, пальцем щелкнув Ярослава ниже пояса на уровне ширинки.

Сибиряк скоропостижно женился последним из этой троицы. Первым ушел под венец любвеобильный Илья, еще на третьем курсе: такая вот была любовь, большая и чистая. Следом за ним тащить на своем хребте семейное ярмо со стервозной бабой (правда, тогда он об этом даже не догадывался) отправился Сергей. Теперь вот настала очередь тридцатилетнего Ярика.

Тут Илья почему-то вспомнил Велосипед. Так он и его друзья называли про меж себя их общую подругу, работающую в политеховской столовой поварихой. То ли потому, что худая она была, как тощая корова, то ли потому, что всем давала покататься на себе. Но, несмотря ни на что, девка она была хорошая. А главное – безотказная. Во всяком случае, для него Велосипед была чем-то вроде спасательного круга. И сейчас бы Илья не отказался воспользоваться ее сексуальным гостеприимством.

– Безопасность и целостность своей семейной жизни я вам гарантирую, – такое было ответное слово молодого и счастливого мужа.

С этими словами Ярослав обнял друзей за плечи.

– Пойду к жене. Долг. Никуда не денешься. Сами понимаете, – сказал он.

– Давай, мысленно мы с тобой. Да, забыл сказать: как бы тяжело с бабами ни было, надо держаться.

– Об этом не надо. Сейчас мне тесть мой сказал, что если Светку брошу или налево ходить начну, то он меня в коровнике сгноит или в выгребной яме утопит. Это он может, – прошептал он. – Посмотрите на него, – указал он кивком головы на краснорожего тестя, сидевшего среди своих родственников, – сразу видно, что он сын репрессированного в годы первой коллективизации кулака-миroeда. Он мне так и сказал: я – потомственный крестьянин, на земле стою прочно, двумя ногами, а не ползаю раком на карачках. Внуков мне народите, говорит, наследников. Внуки – это самые любимые дети. Им эту страну поднимать.

– Лучший друг у зятя есть, называется он тесть, – нараспев сказал полухмельной Илья.

– А я зять – не хрен взять. Пока не хрен взять, – ответил жених.

– Сам выбирал родственников, – поддержал Илью Сергей. – Мы с радостью разделяем твое горе.

Тут три товарища дружно рассмеялись.

– Единственная дочь, я ее, говорит, специально Светланкой назвал, чтобы свет от нее на меня падал и путь мой жизненный освещал, – продолжал между тем Ярослав.

– Философ твой колхозный тесть. Ты сам-то из такой же деревни? – спросил Илья.

– Не, я из Большого Елова. Это совсем в другой стороне. На запад надо ехать, в сторону Казани и Москвы.

– Такая же дыра, наверное. Колхоз имени взятия Бастилии парижскими коммунарами или «Путь к социализму», сокращенно «Пукс».

– Может, и «Пукс», может, и дыра дырой, но люди сейчас там живут лучше, чем в городах вонючих, – живо ответил Ярик. – На подсобном хозяйстве и на подножном корму. Денег только не платят.

– Фазер у тебя тоже председатель колхоза, из мироедов? – вяло засмеялся Илья. – А может, из староверов-кержаков?

– Сам ты кержак. Директор школы он. Историю преподает и музеем местным заведует. Меня в честь Ярослава Мудрого назвал. Ладно, отдыхайте. Света, иду! – прокричал он молодой жене, когда та засияла в дверном проеме двухэтажных председательских хором.

Не успел он встать, как кто-то с другого конца стола громко заорал:

– Ты куда, молодой? Стоять! Горько! Горько!

– Ну, Светка, держись, – крикнул Ярослав жене и, взяв ее на руки, смачно впился своими губами в ее, как писали в древних книгах, пунцовые уста.

– Раз! Два! Три!.. – весело кричали гости. – Шестнадцать... Двадцать три... Двадцать пять!..

– А ты откуда родом? – спросил Сергея Илья, когда Ярик и Светка, доставив гостям массу приятных эмоций, свалили в домашние покои, и указал на пустую тару. – Наливай. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

– Верно говоришь. Семь раз отмерь, один – отъешь. Какой же русский не любит острой еды? – подытожил Батуев, разливая самогонку по граненым стаканам. – А знаешь, пить и закусывать – то же самое, что ехать и тормозить.

Самое странное, что, несмотря на долгую дружбу, Новиков до сих пор не знал, из какого населенного пункта прибыл в Закаменск Серега Батуев. Как-то все не до того было.

Сам-то Илья был коренным закаменцем, урбанизированным до мозга костей. Но деревню видел не только из окон пригородных автобусов и электричек, на картинах русских художников или в кино. На первом курсе всех студентов «политеха» бросили на уборку картошки. Целый месяц жили в настоящей деревенской избе у какой-то старухи. Спали на полатах. Оправлялись в одиноко стоявшем в огороде сортире, распространявшем манящий аромат на всю округу, с непонятно зачем вырезанным на двери сердечком. Наверное, для того чтобы мужики, справляя большую нужду под кряхтение «Пошла, родимая», вешали в этот вырез ремни из штанов и орали: «Занято!»

А раз в неделю, по субботам, студенты ходили в кино в сельский клуб. А кино в деревне – это не просто кино, это праздник молодежи, утешенье стариков.

– Из Верещагина, – прервал череду воспоминаний своим ответом Серега. – Это поселок городского типа. У нас даже пятиэтажные дома есть. Батя на железной дороге работает, в депо, сменным мастером. На пенсию скоро. А твои предки чем занимаются?

– Отец инженером в лесной промышленности пашет, мать – врач-стоматолог.

– У меня тоже маманя врачом работает, инфекционистом, засранцев лечит.

– За родителей, за нашу малую родину.

Они выпили.

– Хорошо пошла, – крякнул Сергей. – Божья слеза.

– Не говори, – подтвердил Илья, рассматривая бутылку. – Не могу понять: почему в кино самогон всегда показывают мутным?

– Потому что там не самогон, а огуречный рассол. А он всегда мутный. Рассол нам завтра понадобится.

И снова оба друга громко рассмеялись.

– Слушай, а помнишь, как мы на втором курсе были в колхозе? – спросил вдруг Илья.

– Ну, помню, конечно.

– А помнишь, как однажды девки нам пургену подсыпали в кашу?

– Еще бы!

В тот нежный сентябрьский вечер девушки-поварихи ради смеха решили подколоть наших парней. Недолго думая, они во время ужина подсыпали им в кашу то ли пургена, то ли какой другой гадости. Доза, видимо, была такая сильная, что кое-кто из парней не успел даже добежать от столовой до уютной старухиной избенки, где они и проживали, обгадив по дороге чуть ли не все заборы в деревне. А у самого сортира выстроилась длинная нетерпеливая очередь. Все исстрадались быстрым, как пулеметная очередь, опорожнением кишечника с обильным выделением жидких каловых масс. Вот смеха-то было!

– Такая же деревня была. На эту чем-то похожа, – сказал Илья, оглянувшись по сторонам.

Любовь по-английски

Возвратились в Закаменск наши друзья никакими. На работе в понедельник о термостойкости и жаропрочности титановых лопаток они думали меньше всего. Но Илья все же смог дозвониться до Татьяны. Извинился, как положено. И даже послал слюнявый воздушный поцелуй.

На следующий день Илья назначил Татьяне свидание, потом – другое, третье... Эти рандеву стали, если можно так сказать, регулярными. Когда-то, в советские времена, в столовых и ресторанах был рыбный день: раз в неделю, в четверг. Был еще день партийный, тоже в четверг, но раз в месяц. Так и у Ильи появился Татьянин день – это когда он встречался с ней. По первости это случалось ежедневно. Затем, понятное дело, – реже.

К тому времени Илья был уже вакантен. Дело в том, что Галина, его супруга, не вылезла из Москвы. А потом и вовсе там осталась, познакомившись то ли с художником, то ли с архитектором, который нарисовал на Арбате ее карандашный портрет. Об этом она сообщила Илье по телефону.

В начале учебного года она прикатила в Закаменск, оформила увольнение из музыкалки и развод, забрала их единственную дочь и была такова. Правда, потом она очень сожалела о содеянном. Но это уже другая история, и об этом мы тоже когда-нибудь расскажем.

Илья был готов к такому повороту событий, поэтому не шибко-то и расстроился по поводу расставания с блудливой женой, навесившей ему ветвистые рога. Единственное, о чем он горько сожалел, – это о потере маленькой дочери.

Через пару месяцев после первого знакомства Илья решил пригласить Татьяну в какое-нибудь присутственное место.

– И куда мы пойдем? – спросила девушка. – В кино?

– Может, в «Уралочку» рванем? Посидим, выпьем, закусим, о делах наших скорбных покалякаем.

– Я хочу в «Европейский». Никогда там не была.

Так тогда назывался лучший по закаменским меркам ресторан в городе. В советские времена здесь было кафе «Театральное», названное так по той простой причине, что рядом находился драмтеатр. Его любили посещать студенты, так как кафе – это пока еще не ресторан, но уже и не столовка. Илья также часто сбегал сюда с лекций с какой-нибудь подружкой и угощал

ее мороженым крем-брюле в железных вазочках и слабоалкогольным коктейлем «Бальный» в граненом стакане за 95 копеек.

Теперь здесь была соответствующая мелкобуржуазная обстановка, где вместо громогласного ансамбля играли тихий горбоносый скрипач во фраке и очкастая виолончелистка в сопровождении по-бетховенски взъерошенного пианиста.

Ныне это было излюбленное место новоявленных бизнесменов-нуворишей, бритоголовых бандитов в малиновых «пинжаках» и преуспевающих кооператоров-барыг. Цены были соответствующие названию.

А за углом находилась знаменитая «столетровка» – самый роскошный коммерческий магазин и, соответственно, самый дорогой, прозванный так горожанами за свою вытянутую длину.

– Здесь очень мило. Я никогда тут не была, – сказала Татьяна, рассматривая обстановку, когда они с Ильей прошли в интимно сверкающий зал «Европейского».

– Чем будем ужинать в это время суток? – спросил Илья.

– Всем, что закажешь.

– Тогда рекомендую гусиную печенку и анжуйское урожая 1917 года. Мы же в Европе, а не в какой-нибудь жопе, – в рифму, сам того не подозревая, сказал Плейбой. – Устроит?

– Вполне.

На самом же деле ни анжуйского, ни бургундского вина, ни печенки в меню не было. А были самый хреновый на свете азербайджанский коньяк с тремя бочками на этикетке, водка «Русская», обычные котлеты по-киевски с «говниром», состоящим из жареной картошки фри, зеленого горошка с помидорами и зеленью. И салат «Столичный», в который вместо вареной колбасы здесь добавляли крабовые палочки. Из чего сделаны эти палки, всем нам хорошо известно. Но тогда это было что-то вроде закуски из диковинных морепродуктов, о существовании которых в те времена мало кто знал. Ну и так далее.

Но романтического вечера при свечах не получилось: слишком громко базарили базарные торгаши, обсуждая свои дела, при этом абсолютно не обращая внимания на других посетителей. Очевидно, эти дельцы рыночной торговли и воротилы теневой экономики уже считали себя полными хозяевами новой, капиталистической, жизни. Позднее таких козлов будут называть «новыми русскими».

Илья и Татьяна сделали по одному глотку коньяка.

– И это называется коньяк? – сморщилась девушка. – Водка и то приятней.

– Фуфло полное, – вторил ей Илья. – Говно.

– Давно хорошего коньяка не пила. И это не коньяк. Для ресторана могли что-нибудь поинтереснее найти, – не унималась Татьяна.

– Действительно, – поддакнул наш герой, чуть ли не сгорая от стыда за то, что пригласил девушку в этот кабацкий трактир.

– Пойдем отсюда. Мне не нравится здесь, не могу смотреть на эти рожи, – предложила девушка, окинув взглядом зал «Европейского».

– Куда?

– Погода хорошая, тепло.

– Вёдро, – согласился Новиков.

– Сядем где-нибудь на лавку в скверике.

– Лавка – это от слова «лав»? По-английски – «любовь»? – догадался Илья.

– Любовь, – поцеловала она его.

Турист СССР

Так оно и вышло. Наши влюбленные облюбовали себе место в тихом углу центрального сквера недалеко от статуи медведя, медного символа Закаменска, громадного, с блестящим носом, словно говорящего: «Кто потер медведю нос, тот богатствами прирос».

Они, будто сбежавшие с уроков десятиклассники, целовались после каждого коньячного глотка. Он хоть и был отвратительным на вкус, напоминавшим разбавленный чаем технический спирт, но на улице пился лучше, чем в прокуренном ресторане.

– Я люблю вот так, как в походе у костра, – сказала Татьяна. – Я вообще люблю походы, сплавы по реке, чтоб костер горел, чтобы песни звучали, чтобы было тихо... Люблю смотреть на звезды из палатки. Люблю слушать, как дышат деревья. Мне нравится, как трещат дрова, как пахнет дым... А ты не турист?

– Ну почему же? Я тоже сидел у костра, подпевал песни под гитару, спал в палатках. В первое свадебное путешествие мы по турпутевке ездили с женой в Латвию. Ходили там в поход, сплавились по озерам. Там красиво было. Даже значок имею – «Турист СССР».

– Серьезно?

– Не веришь?

– Почему не верю? Верю, – согласилась Татьяна.

– Может, в кино сходим, на последний сеанс? Будем целоваться, как здесь, – вдруг предложил Илья.

– А чего там смотреть? Одна американская мура.

– Ты вот любишь походы, а я люблю старые советские фильмы. За их доброту, честность, искренность, за сильные чувства не напоказ. Они поддержат, когда тяжело. От них захватывает дух. Через них смотришь на жизнь другими глазами. В них есть масштаб личности. В них влюбляешься однажды и навсегда. В этом кино – наша жизнь.

– А может быть, вся наша жизнь, всё, что в ней было лучшего, только в кино и осталась? – спросила Татьяна.

Илья ничего не ответил. Они немного помолчали.

– Красиво, – сказала Татьяна.

– Что?

– Тихо тут и красиво. И ты говоришь красиво.

– Могу гадость какую-нибудь сказать. Хочешь? Например, про кино, где батяня Махно показывает член в окно.

– Не надо, – засмеялась Татьяна.

Их любовь была яркой и странной, как телевизионная реклама. Ее невозможно было описать, как невозможно о ней рассказать. У Ильи было такое ощущение, что он заново родился. На расспросы друзей он только отшучивался.

Илья и Татьяна занимались любовью при каждом удобном случае, забывая при этом обо всем на свете.

– Я тащусь... не поверишь... когда ты говоришь... что у меня сладкая пизда... Я с ума схожу... Я готова в эти минуты... разорвать тебя... Я сейчас умру... – задыхаясь и запинаясь от собственных самопроизвольных стонов и криков, горячо говорила она. – А почему... ты не кричишь?.. Тебе неприятно, что... я делаю?..

Потом она положила его руку себе к сердцу.

– Это ничего, что у меня маленькая грудь? – словно выдохнув, спросила она.

– У тебя все нормально. Не парься. Неважно, какие титьки, большие или маленькие. Главное – чтобы они были красивыми. А с этим у тебя все на месте. От них невозможно ото-

рвать глаз, их хочется целовать, держать в руках, – еле дыша, отвечал он, целуя то, о чем только что сказал...

– Мне кажется, что мое предназначение – быть женщиной, которая тебя любит.

Так началась совместная жизнь Татьяны Матвеевой и Ильи Новикова. Брак поначалу они не оформляли, а жили то у Ильи, то у нее, в зависимости от обстоятельств.

Поженились они позднее. Позднее и съехались, купив большую сталинскую «трешку» в центре города.

Глава 4

По Руси несется тройка: Мишка, Райка, перестройка!

Наш рассказ не будет полным, если мы не остановимся на обзоре того времени, когда, собственно, формировалось сознание и складывалось мировоззрение героев нашего рассказа. Настоящие, а не скрытые за пустыми партийными лозунгами, ничего не имеющими с настоящей действительностью, и громогласными комсомольскими призывами, в которые никто не верил, включая тех, кто заставлял нас их повторять.

Мы не будем говорить об экономике и о политике, планах партии по строительству первого в мире государства рабочих и крестьян. Мы расскажем о том, ради чего, собственно, люди и живут.

А люди эти не хотят горбатиться на субботниках задарма, платить по рублю в кем-то выдуманный Фонд мира, таскать на демонстрациях портреты старых партийных пердунов, спать на профсоюзных собраниях, сбегать с коматозных политинформаций и строить коммунизм, который, если верить лозунгам, должен был быть построен еще десять лет назад.

Они хотят сладко есть, мягко спать, красиво одеваться, работать там, где хочется, смотреть те фильмы и читать те книги, которые нравятся. А еще – любить, воспитывать детей, уважать родителей, дарить женщинам цветы, наконец. Они хотят просто жить, и жить по своим внутренним законам, идущим из глубин своих душ, а не по тупым указаниям сверху.

Но это были мечты. А реальность была такова, что насквозь пронизанная коммунистической идеологией советская плановая промышленность, грубо говоря, производила никому не нужную продукцию: вышедшие из моды костюмы, пальтоуханы и обувь, если все это так можно было назвать. Но деваться было некуда, и простой потребитель вынужден был все это покупать. За красивой импортной вещью приходилось либо переплачивать втридорога, либо выстаивать огромные очереди. И подобная покупка всегда была праздником. Ну а фирменная вещь, или «фирма», была пределом мечтаний.

И главными составляющими в этом ряду были джинсы и рок-музыка. Они были своеобразным катализатором, если угодно – лакмусовой бумажкой, которая четко определяла настроения в обществе.

Некоторое подобие джинсов все же иногда появлялось на прилавках советских магазинов: так называемые «техасы» – болгарские штаны чернильного цвета, выпущенные каким-то объединением «Рила», или просто «рыло» (у кого на жопе «Рила», тот похож на крокодила). Короче, редкостное говно.

Иногда появлялись индийские джинсы Milton's («милтоны») по 16 рублей, уже более похожие на настоящие джинсы, но из очень мягкой тряпки фиолетового цвета.

Но американские джинсы... Это был не просто кусок синей грубой ткани, это была часть Америки, загадочной и далекой страны, страны ковбоев, красивых машин, небоскребов и, конечно, великих музыкантов.

Надо сказать, что первые штаны, появившиеся на «балке» (так в Закаменске называли барахолку), были от хороших производителей: Levi Strauss, Wrangler, Lee. Китайских, тайландских и прочих подделок тогда не было и в помине. Торговали этим товаром, а также сигаретами, «жваниной» и «пластами» в основном студенты. К ним и прилепилось слово «фарцовщики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.